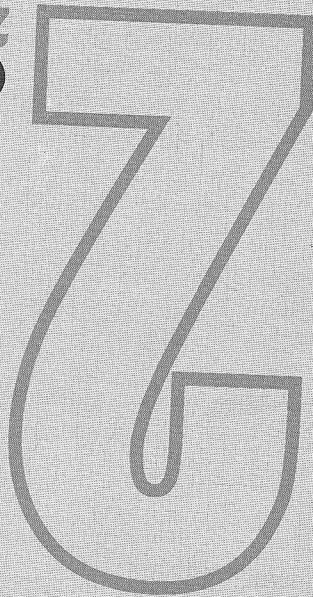

2011
(71)

программы
мнения
дискусии
события

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1993 ГОДУ

и сотрудничество
РОССИЯ

1861 г. — одно из переломных событий российской истории. В современном российском обществе, несомненно, отсутствуют изменения по вопросу о том, что такое модернизация, каковы должны быть ее цели и масштабы. Предлагаемые различные критерии соответствующих процессов. Можно говорить о том, что модернизация осуществляется скорее как негативный процесс. Тогда следует говорить о том, что модернизация осуществляется по идеологическому критерию. Тогда следует говорить о том, что модернизация осуществляется по отношению к праву: осуществлением она не нарушает норм. И, наконец, еще одним важным критерием того, является когнитивно-информационный подход к модернизации, являясь точки зрения можно говорить о модернизации как о новой картине мира, нового информационного пространства или ограниченных технологических изменений, которые осуществлены в рамках существующей системы понятий, в рамках существующей

«Российская история»

Андрей Николаевич — профессор ГУ-ВШЭ, главный редактор

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ И РЕФОРМЫ

И. В. Медушевский

когнитивно-информационной схемы познавательной деятельности. Подход с этих позиций к Великой реформе, ее следует рассматривать как пример радикальной модернизации, безусловно, либеральной, эндогенной, осуществляемой в правовых формах и создающей новую картину мира. Поэтому можно определить Великую реформу как настоящую революцию сверху.

Великая реформа – пример успешной правовой модернизации традиционного общества (см. 2; 3). Каковы вообще критерии успеха реформы? Я вижу три основных критерия. Во-первых, это продуманная концепция реформ или философская идея, лежащая в основе реформ. Во-вторых, это осуществление преобразований на базе определенного социального консенсуса в расколотом обществе, закрепленного в праве. И, в-третьих, это радикальность изменений, т.е. невозможность повернуть ситуацию вспять, когда реформа создает новое социальное качество. Эти три параметра, безусловно, присутствуют в Великой реформе.

Если говорить о философской идее, то это была идея эволюции, концепция прогресса и умеренного либерализма. Теоретическую основу этой концепции составляла философия права Гегеля и государственной (юридической) школы, русской академической мысли, которая исходила из того, что суть реформ – это движение от сословного общества, основанного на старой традиционной социальной иерархии к гражданскому обществу и от абсолютизма к правовому государству (5). Данная концепция возникла на Западе, сформировалась в основном в Германии как антитеза Французской революции, но оказалась востребованной во многих развивающихся странах – от Османской империи до Японии эпохи Мейдзи. Суть ее состояла в том, чтобы осуществить все цели революции, не используя, однако, ее средств, т.е. избежать крушения общества, кровопролития, гражданской войны и диктатуры. И в этом смысле философская концепция Великой реформы сохраняет свое значение для нашего времени (13).

Если говорить о таком параметре, как сохранение консенсуса, то важно подчеркнуть, что реформа осуществлялась на правовой основе, без разрыва правовой преемственности. Манифест 19 февраля 1861 г. и «Положения» о крестьянах, вышедших из крепостной повинности, включали следующие основные условия реформы: личная свобода крестьян, сохранение отношений собственности (тогда это была помещичья собственность на землю), но одновременно – перераспределение земли в пользу крепостных крестьян, которые получили усадьбы и полевые наделы за выкуп (12). Причем наделы эти были таковы, что им могли бы позавидовать современные крестьяне. Условия реформ также фиксировались правовым образом – в Уставных грамотах, могли быть обсуждены сторонами с участием мировых посредников и, что особенно важно, обжалованы в губернских присутствиях по крестьянским делам.

основном представители правящего класса, дворянства, но общую тональность в публичной сфере задавали прежде всего представители дворянской интеллигенции (как, например, Лев Толстой). Эти преобразования включали такой важный элемент как просвещение общества – его открытость новым стандартам образования (университетская реформа), политической культуры («гласность») и внешним заимствованиям (европеизация и расширение культурного обмена по всем направлениям). В целом это была именно «эпоха великих Реформ» с радикальным изменением сознания общества (7).

Создание единого штаба реформ – это то, что отличает научную концепцию реформ от ненаучной, от импровизации. Здесь очень большое значение имели редакционные комиссии. Первоначально их было две, потом они были соединены в одну. Причем в основу создания редакционных комиссий был положен смешанный принцип: в одной – преобладали администраторы, в другой – представители гражданского общества: юристы, аграрники, социологи и другие ученые того времени. Этот штаб реформ – редакционные комиссии под руководством Я.И. Ростовцева, активно осуществляли сбор и анализ информации, разрабатывали положения Великой реформы, проводили мониторинг политической ситуации, что было очень важно в нестабильной ситуации, обеспечивали единство воли и плановость осуществления целей реформы. В конечном счете в ходе реформ был достигнут компромисс между основными социальными силами того времени, участвовавшими в процессе преобразований: дворянством, просвещенной бюрократией и либеральной интеллигенцией (8; 9). Реформы теоретически открывали путь выхода из авторитарной политической системы абсолютистского государства, – сначала в виде осторожного включения элементов народного представительства в самодержавный строй, затем движения к дуалистической монархии в ограниченных конституционных формах и, наконец, возможно, к парламентской монархии или республике (11).

В целом, таким образом, Великая реформа – это едва ли не единственный в истории России, пример успешной демократической модернизации традиционного общества, осуществляемой правовым путем, по плану, в соответствии с первоначальным замыслом и установленными сроками, а главное – с сохранением права собственности, социального консенсуса и правовой преемственности.

Современная наука едина в констатации огромного социального значения Великой реформы и последующих реформ 60-х годов XIX в., реформ С.Ю. Витте и П.А. Столыпина начала XX в. как продолжения логики Великих реформ. Это была, на мой взгляд, полноценная альтернатива аграрной революции в таких странах, как Россия, Китай, Мексика, других странах XX в. И, конечно, это была альтернатива последующим неправовым формам решения аграрного вопроса эсерами и большевиками, вообще леворадикаль-

– в виде утопической идеи «черного передела» (т.е. стремле-
 ния поделить землю поровну»), либо в виде так называемой «со-
 циалистической национализации», которая означала безвозмездное отчужде-
 ние собственности, введение государственной собственности на
 средства производства, коллективизации 1928–1933 гг., а также попыток Коминтерна рас-
 пространения этой экстенсивную форму на другие модернизирующиеся обще-
 ства. Этот момент важно подчеркнуть, поскольку деятельность Комин-
 терна в мире отнюдь не была столь однозначной, а ее последствия сказываются до настоящего
 времени в виде распространения мифа о возможности уравнительного рас-
 пределения земли, реализации коллективистских предрассудков о справедливости
 инициативного творческого начала и многих других не-
 справедливых. Посюду эти эксперименты вели к ретрадиционализации
 общества, порождая провал, как показывает опыт таких современных го-
 судств, как Китай, Вьетнам, другие страны Азии, Латинской Америки, да и
 после различных аграрно-коммунистических экспериментов все
 равно к отрицанию уравнительно-коллективистских форм аграрного
 сектора. Важности индивидуального трудового вклада и необходимости
 форм собственности (в виде современных форм кооперации
 производителей, длительной семейной аренды или частной
 собственности на землю).

Важно отметить аграрного кризиса в XX в. состоял в разрешении
 аграрно-коллективистских предрассудков о справедливости
 равенстве в распределении земли) и позитивного права, от-
 носительно предоставления государственной власти о рациональном и эффек-
 тивном использовании земли в коммерческом обороте. Преодоление этого
 кризиса (выражавшегося в параллельном существовании обычно-
 го права и официально санкционированного частного права)
 осуществлялось в авторитарных и демократических формах. В одной группе
 преобладали авторитарные концепции реформ – соединения жесткой власти с
 ответственности. Здесь я хотел бы указать на примеры Напо-
 леона III, Бисмарка, Столыпина в России. В этом контексте определенными
 представляется также ленинский тезис, который, не отказываясь фор-
 мально от декларированных коммунистических принципов, по существу, оз-
 начал (пусть и тактически) от них в пользу рыночного стимулирова-
 ния. Этот вектор характеризует реформы Кемала
 в Турции, Чан Кайши в Китае, В. Каррансы в Мексике и других
 действовавших в рамках бонапартистской парадигмы. Не-

смотря на авторитаризм данных режимов, принципиальное отличие этих реформ от коммунистических состояло в том, что они сохраняли частную собственность и обеспечивали правовую преемственность отношений собственности на землю. Более стабильных результатов удалось добиться в ходе аграрных реформ на правовой основе при активной поддержке государства в таких странах, как послевоенная Япония, Индия, ряд стран Латинской Америки XX в., когда сохранялись права собственности с одновременным перераспределением имущества, т.е. земельного ресурса, путем выкупа земли государством и передачи этой земли крестьянам-фермерам, — модель, которая предлагалась в России партией кадетов. Но по существу эта модель повсюду была продолжением логики Великих реформ и, отчасти, развивавших их сто-лыпинских аграрных реформ.

Тот факт, что реформационная стратегия представляла собой устойчивую, последовательную и рациональную альтернативу аграрной революции, заставляет с новых позиций рассмотреть причины Великой реформы и последовательность проведения ее принципов в жизнь. Прежде всего, с позиций современной науки очевидна необходимость отказа от упрощенных схем экономического детерминизма, усматривавших причину реформы в кризисе «феодально-крепостнической экономики»: экономическая неэффективность крепостного хозяйства (как и рабства в США) ставится под сомнение в современной историографии, показавшей, что традиционные формы принудительного труда могут быть интегрированы в рыночную экономику и, во всяком случае, сосуществовать с ней продолжительное время. Они (как показал советский опыт использования принудительного труда) могут даже использоваться для достижения некоторых целей модернизации. Наконец, сама реформа 1861 г., отменившая крепостное право, не дала быстрого и резкого увеличения экономических показателей (первое время констатировался даже спад), но обеспечила его в длительной перспективе (чрезвычайно высокие темпы экономического роста России в конце XIX — начале XX в.). С другой стороны, очевидна несостоятельность объяснения реформы с позиций «классовой борьбы» — известной концепции «первой революционной ситуации», которая якобы сформировалась в канун реформы. Эта концепция представляет собой очевидный миф советской историографии, поскольку никоим образом не подтверждается фактами и, в частности, не объясняет того, почему на всем протяжении реформы сохранялась социальная и политическая стабильность, уникальная для преобразований такого масштаба, а острые социальные противоречия не только не привели к гражданской войне, но и каким-либо значительным социальным беспорядкам. В конечном счете традиционные историографические схемы не предлагают вариативных моделей развития событий, не отвечают на вопрос о том, как пошло бы развитие, если бы крепостное право вообще не было отменено государством. В современной лите-

Далее, это соотношение реформ на макроуровне и микроуровне. Как должны проводиться реформы – в масштабе всей страны или в масштабе отдельных регионов? В ходе Великих реформ было достигнуто соединение этих двух направлений: на макроуровне вопрос об освобождении крестьян был решен Манифестом 19 февраля. На микроуровне он был решен приложением к нему «Положениями», которые детально раскрывали механизм осуществления преобразований – как должны регулироваться вопросы передачи крестьянам земли на разных уровнях и в разных регионах страны, причем с учетом огромного количества научно обоснованных факторов: социальные условия (учет положения разных групп крестьянства), география, почвы, климат, доходность, коммерческая цена земли и т.д.

Стратегии преобразований включали решение вопроса о привлечении общества к реформам. В истории России мы видим ряд основных моделей модернизации. Одна из них – авторитарная модель, которая была представлена Петровскими реформами и сталинской «революцией сверху», хотя я и не стал бы ставить знак равенства между ними, поскольку Петровские реформы определялись западным вектором развития и открывали страну мировым процессам, а сталинские реформы, напротив, были в существенной мере ретрадиционализацией общества и вели к полной его информационной изоляции от внешнего мира (18). Тем не менее авторитарная составляющая присутствовала в обоих случаях как основной инструмент модернизации. Другой тип модернизации – это спонтанная модернизация снизу, то что называется аграрной революцией. Конечно, – это модернизация также в относительном смысле, поскольку, как мы видели, она ведет к ретрадиционализации, отказу от гражданского общества и правового государства, заканчиваясь в конечном счете движением вспять – к восстановлению принудительных форм труда и деспотической государственности. И, наконец, существует третий тип, когда реформы производятся при активном участии государственной власти, администрации, с опорой на активную часть общества, – не на все общество, которое стабильно пребывает в апатии, а именно на мыслящую часть общества в виде интеллигенции, дальновидной части правящего класса и просвещенной бюрократии.

Все три модели модернизации, которые представлены в истории страны, имеют, конечно, свои преимущества и недостатки. Преимущество авторитарной модели в том, что реформы можно осуществить быстро и радикально, не считаясь с оппозицией и ценой преобразований. Преимущество спонтанного развития событий состоит в том, что реализуются, как ранее принято было говорить, «чаяния народных масс», – наивные коллективистские представления о справедливости. Однако оба этих крайних вектора – авторитарный и революционный – имеют существенные недостатки. Недостаток авторитарного вектора состоит в том, что реформы оказываются неустойчивыми и

...системы – стагнации или «застоя». Что касается спонтанного контрреформами, что ведет к росту последующими контрреформами, а в конечном итоге к потере утраты тех целей преобразований, которые изначально были направлены на модернизацию. В этом смысле предпосылки для реализации реформы, которая заключалась в том, чтобы от крайностей авторитаризма и популизма, – принять модель либеральных преобразований. Они оказываются более успешными, чем традиционная концепция устойчивого социального развития страны.

...самостоятельный момент – это многомерность реформ, их комплексность, которая выражалась в определении соотношения между ресурсами, эти средства, эти ресурсы как-то распределялись на осуществление трудностей, которые необходимо преодолеть, например, при осуществлении выкупной операции. Фактически была создана «дорожная карта» проведения реформ. Это и является основой для формирования устойчивости процесса преобразования. Необходимо на себя внимание, насколько противоречивыми, непоследовательными и неэффективными как-то на фоне Белкиных реформ попытки модернизации советского и даже постсоветского периода.

...Эти технологии, по-моему, сохраняются в ходе Белкиных реформ. Эти технологии, сохраняются в современном этапе (24). Прежде всего, – введение в общество новых основ легитимности земельного права, десакрализация земельного права, с возникновением так называемого правового конфликта государства и крестьянского, или государственного права. В основе этого конфликта было и остается фундаментальное различие между позитивным правом и традиционным правом о справедливости. Конфликт этот сохраняется и сейчас. Как мы видим, с принятием Земельного кодекса 2001 г. процесс коммерциализации земельного ресурса получили правовое обеспечение, но значительная часть по-прежнему отторгает представление о земле как о коммерческой собственности.

форм. Это именно и было продемонстрировано в ходе Великой реформы в интерпретации такого института, как крепостное право. Ученые того времени показали, что крепостное право в силу неопределенности его исторического возникновения можно было интерпретировать двояким образом. С одной стороны, как крепость крестьянина помещику, – и тогда это, по существу, основа рабства (близкого к его древнеримской интерпретации). С другой – как крепость крестьянина земле, – и тогда это основа превращения крестьян в полноценных земельных собственников (10). Принятие второй модели открывало путь освобождению крестьян с землей и осуществлению этого с сохранением правовой преемственности. Таким образом, различная этимологическая и историческая трактовка одного института – крепостного права – вела к противоположным векторам реформы.

Разработка концепции переходного периода, сознательное поддержание социального компромисса путем создания резервированных зон для определенных территорий или частей населения. Я имею в виду сохранение таких институтов, как община, выкупная операция, сервитуты, введение моратория на куплю-продажу крестьянской земли. Некоторые современные исследователи считают, что подобные исключения из общего правила (прежде всего сохранение общины) были ошибкой. Полагаю, что это было скорее научно обоснованной стратегией, заключающейся в том, чтобы избежать социального хаоса, потери управляемости и обеспечить прогнозируемый вектор социальных преобразований на будущее. Сохранение крестьянской общины было важно в пореформенный период, что отнюдь не исключало последующей трансформации данного института. Именно так понимали эту проблему С. Витте (4) и П. Столыпин (19), усматривавшие в отмене общины логическое продолжение Великой реформы в новых условиях.

Соединение либеральных и экономических реформ с жестким подавлением революционного экстремизма в силу государственной монополии на легитимное насилие. В условиях Великих реформ решение данной проблемы осуществлялось в рамках политического курса «диктатуры сердца» М.Т. Лорис-Меликова (15). Однако сегодня, в условиях борьбы с экстремизмом, данный подход сохраняет свое значение: в ходе реформ неизбежно возникает существенная социальная дестабилизация; это ведет к популизму, которым пользуются партии экстремистской направленности – не для того, чтобы ускорить реформы, а для того, чтобы остановить их или даже повернуть развитие вспять. Следовательно, необходимы технологии борьбы с экстремизмом, применяемые параллельно с поступательным движением реформ. Соединить эти два направления очень трудно, но в этом и состоит искусство реформаторов.

Решение проблемы лидерства в расколотом обществе – является важным условием последовательности курса реформ и избежания контрреформ.

... это не удалось сделать в полной мере в период после Вели-
 кой реформы, которая сменялась контрреформами, поставившими страну на
 контрреформы. Контрреформы в условиях неустойчивого равновесия ока-
 зались чрезвычайно деструктивным фактором не только для судьбы ре-
 форм, но и для процесса модернизации в целом (22).
 ... об актуальных задачах российской модернизации в контек-
 сте реформ, которые идут у нас сегодня. Я имею в виду, в частности,
 реформы в области экономики, провозвучавшие в период обсуждения проекта «Сколково».
 ... новая рационалистическая модель экономики, своего рода
 «Город Солнца», — заставляет поставить вопрос о мас-
 штабных реформах и ряд общих вопросов, которые объединяют проблемы
 модернизации модернизации периода Великих
 ... идет ли речь о модернизации в социальном
 ... в техническом ее понимании? Распространяется новое
 ... на всю страну или только на один анклав с особой право-
 ... вроде немецкой слободы? Предполагается ли опора на
 ... т.е. эндогенная модернизация, или внешние заинтересо-
 ... — модернизация в виду долгосрочной стратегия
 ... очередного национального проекта с фиксированными сро-
 ... как будут решаться проблемы собственности — на основе внутреннего
 ... между ответственными? Должна ли стать мотором процесса вся
 ... часть общества или исключительно просвещенная бюрократия и
 ... его спешит? И, наконец, как будет выглядеть решение вопроса
 ... и справедливости, традиций и эффективности, и не при-
 ... между ними в конечном счете к созданию нового правового
 ... к росту революционного популизма?
 ... это реакция общества на реформы и
 ... необходимые методы их проведения. Здесь необходимо решить следующие рас-
 ... Как быть с сопутствующим реформам ростом социального рас-
 ... которая часто рвется в формы
 ... Как в таком случае обеспечить социальную стабильность
 ... общества — если не на 20 лет, о которых мечтал Столыпин, то
 ... на 10 лет? Будет ли реформа осуществляться с подключением меха-
 ... спонтанной самоорганизации, т.е. с участием гражданского общества
 ... или исключительно сверху, в традициях российской
 ... модернизации? И не разделил ли в таком случае ее судьба
 ... петровской крепостной мануфактуры или «строек социализма»?
 ... и самый главный вопрос — это вектор современной модернизации.
 ... ли процессы социальной и политической модернизации в

направлении гражданского общества и правового государства, или она останется на традиционной концепции мнимого конституционализма? (См.: 1). Найдется ли в современном государственном аппарате слой профессиональных управленцев, способных поставить интересы государства выше стремления к материальному и карьерному благополучию? Удастся ли сохранить преемственность курса реформ, или они в очередной раз станут жертвой контрреформ, осуществляемых под привычными лозунгами державности и официального патриотизма? Ответ на эти вопросы во многом определяет содержание современных политических и конституционных реформ.

Итог сопоставления дат «1861» и «2011» призван мобилизовать волю к преобразованиям. Эволюционный путь становления гражданского общества и правового государства в России, к сожалению, не реализовался в XIX–XX вв. Возможно, более успешным окажется XXI век, хотелось бы в это верить. Если России суждено совершить успешную модернизацию, то очевидно, что ее руководящие идеи будут опираться на достижения, опыт и результаты Великой реформы (6).

Несомненно заслуживает поддержки призыв ряда партий и общественных организаций об объявлении дня 19 февраля праздником или днем национальной памяти. Это очень важно для поддержания лучших исторических традиций, воспитания молодого поколения в духе либеральных ценностей и вообще для обретения Россией подлинной национальной идентичности в современном мире.

Литература

1. 15 лет Российской Конституции // Отечественная история, 2008, № 6.
2. Великая реформа, 1861–1911. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. – М., 1911. – Т. I–VI.
3. Великие реформы в России. 1856–1874. – М., 1992. – 334 с.
4. Витте С.Ю. Записка по крестьянскому делу. – СПб., 1905. – 106 с.
5. Государственная школа // Общественная мысль России XVIII – начала XX в. – М., 2005.
6. Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы. – СПб., 2009.
7. Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. – СПб., 1907. – 85 с.
8. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М., 1968. – 368 с.
9. Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. – М., 1984. – 254 с.
10. Ключевский В.О. Право и факт в истории крестьянского вопроса // Ключевский В.О. Соч. Т. 7. – М., 1989. – 509 с.
11. Конституционные проекты в России XVIII – начала XX в. – М., 2000. – 816 с.
12. Крестьянская реформа в России 1861 г.: Сборник законодательных актов. – М., 1954. – 500 с.

- А.Н. Диалог со временем: Российские конституционалисты конца XIX - начала XX вв. - М., 2010.
- А.Н. Диалог со временем: Российские конституционалисты конца XIX - начала XX вв. // Конституционные реформы в России XVIII-XIX вв. - М., 2005. - С. 10-15.
- Лорис-Меликова М.Т. Конституционные проекты в России. - М., 2010. - С. 10-15.
- Способность на землю в России. История и современность. - М., 2002. - С. 591.
- Конституция как модель социального конструирования // Российская история, 2010, № 10.
- П.А. Нам нужна Великая Россия... Полное собрание речей в Государственном Совете, 1906-1911. - М., 1991. - 411 с.
- «Круглый стол» // Российская история, 2010, № 10.
- Трансформация и консолидация рыночного законодательства в контексте конституционных реформ в России. - М., 2005.
- Российские конституционалисты: Опыт, традиции, новации. - М., 2007.
- Legal foundations of capitalism. - Madison, 1959. - 394 p.
- K.W. The law-growth nexus. The rule of law and economic development. - Cambridge, 2006.
- W.B. The Great Reforms. - DeKalb, 1990.